

СПОР ИДЕТ...

МАТЕРИАЛЫ ПУБЛИКУЮТСЯ В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Школьный день и его КПД...

ТИРАЖ, ЦЕНА, РЕКЛАМА

ЛИТЕРАТУРА

ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Продолжаем разговор

о статье академика

В. В. Виноградова

Нужны ли жанру скидки?

ТАТЬЯНА Ивановна вошла в класс, привычно успокоила ребят, разыгравшихся перед последним уроком, и сказала: — В доске пойдут... Соколов! — Шестой ряд! — выкрикнул кто-то, и все засмеялось. Улыло — в шестой ряд! — бред меж партами невезучий Соколов, недвигаясь, в котором уже выстроились колонной отметки, полученные за день. — Ничего-ничего, справимся, — обнадеедила Татьяна Ивановна. — Выслушайте условия задачи. Из пункта А в пункт Б... Идет урок, завершается школьный день. Обычный день с обычными организационными просчетами. Татьяну Ивановну никто не читает, она ей было известно, что бедняга Соколов уже пять раз за день спрашивал ее коллегам? Перед учительницей — ее странница в классном журнале. И нет времени посмотреть, разобратся, а что было в этом плане до нее. Разоборщенье, несогласованность действий — характерная черта, примета школьной работы. Вчера все учителя объясняли новый материал, сегодня все спрашивают — так уж совпало, ничего не поделились, учебный процесс наш не регулирует взаимодействие учителей. И весь последний день пройдет в изнурительном вопросе, и не одному! Соколову мыться у доски. А уроки, эффективные порознь, в целом, онавет, теряют эту эффективность. «Сколько осталось до звонка?» — о другом ученику и думать не хочется. Главная беда здесь, важнейший просчет в том, что перегрузка избыточной информацией на организационную неупорядоченность («все спрашивают»). Будет уроки в начальных классах, там наша Татьяна Ивановна оказалась, был в состоянии оперативно реагировать худ учебного процесса. Потому что

Из пункта А в пункт Б

Л. РЫБАК

та она и математик, и словесник. Потому что там она все время видит реакцию класса. На разных уроках. Притом — на своих уроках. Ребята устали? «Положите ручки, садитесь удобнее! Сейчас на чередует методы работы, управляет классом. Но, заметьте, даже в таких случаях организация педагогического процесса, управление им корректируется «на глазок», эмпирически, опытным путем... и опытным учителем. Один класс — один учитель. В этих условиях координированное управление осуществимо. Оно облегчено масштабом и неомогнотенностью складывающихся связей. Но и здесь есть нужда в четкой разработанной организации учебного процесса. Читательский опыт дает дорогой ценой ошибки, исподволь сказывающиеся на школьниках. — Молодого учителя можно и нужно избавить от этого. Можно и нужно. И особенно важно это (и особенно трудно) там, где на смену одному учителю приходит семь пянок, действующих вразнобой. Но как спланировать единую систему учительских воздействий? Что надо сделать для того, чтобы наша Татьяна Ивановна шла к ученикам с таким пониманием общей задачи, которое поможет ей наилучшим образом решать свою, частную задачу урока? Были попытки ответить на эти вопросы. «Укрепление межпредметных связей» — был такой хороший толчок. Несколько лет звенел по школам. Создавались межпредметные комиссии. Служились деловые предложения: ликвидировать хотя бы тот

разнобой, что предопределено школьными программами. Предлагалось, например, не дублировать учебный материал. По школьные программы игнорируют это предложение, повторяются в уроках приходится и приходится. И до сих пор не исследовано, в каких случаях нужно повторять — мать ученья (избыточность, решающая проблему надежности), а в каких оно не нужно — злая маеха, которая уму-разуму не научит и повторяет одно и то же. Предлагалось также изучение в одном учебном курсе (допустим, на уроках истории) использовать в другом курсе как опорный материал (скажем, в занятиях литературой). Но и это разумное предложение почти не реализуется: не согласованы учебные программы. Добро дело заглохло на корнях разумных предложений по сей день не реализованы. Почему? Отчасти потому, что приспела не к сроку громоздкая и непрозрачная перестройка системы народного образования. Отчасти же потому, что внедрение принципа межпредметных связей требует решения задачи, за которую педагогика еще не бралась. Нужно разработать сложные, разветвленные схемы согласованного управления всем ходом школьного обучения. Научная организация учительского труда. Ее не ограничить в простой схеме школьного расписания, где определена всего лишь последовательность классов-урочных занятий. Ее не видно и в графике контрольных работ, что висит, рассыпавшись в каждой учительской и нарушается даже ли

не в каждой школе, тревожно напоминая: согласования пока что нет. Надо бы составить график оперативного управления, гибкие, позволяющие учесть происходящие изменения и непрерывно движущимся учебном процессе. Задача трудная. Задача разрешимая: в современных условиях сетевого планирования управления, это известно сейчас широкому читателю, подобные задачи решаются успешно. **КОНЕЧНО**, легче легкого напасть сейчас на учителя педагогика и добавок ко всем его грехам возложить на него вину за неупорядоченный процесс обучения. Но процесс этот складывается не сегодня и не вчера. Процесс этот приравненный к практическим требованиям и во многом их удовлетворял, а его организационные просчеты не всегда были явны и устраняемы. И только с позиций нынешних представлений об организации и управлении можно воочию увидеть непорядок и попытаться его устранить. К идеям организации и управления (в современном идеям, выдвинутым кибернетикой) и различным математическим расчленим в области педагогических наук стоит программное обучение. Но пока что и программное не поспевает за целостным охватом учебного процесса, ограничивая свои задачи упорядочением, созданием управленческой, четко организованной системы внутри отдельного учебного предмета. Вряд ли целесообразно и многообещающе такое ограничение. Как бы ни была важна строгая

разработка отдельной учебной дисциплины (о чем уже писала «Литературная газета»), — не менее важна программная координация всех дисциплин, составляющих содержание обучения. И поочередность — сначала рассмотрим порознь, потом в сочетании — здесь недопустима: упорядоченные частности могут увеличить и усилить организационную разноречивость, и уж во всяком случае управляемые компоненты солютуются в неуправляемое, как прежде, целое. Надо идти от целого. Потому что мечта о совершенной организации школьного обучения, а помянуло сетевое планирование и управление: там целостный подход. Разумеется, было бы нецелесообразно механически перенести современные методы хозяйственного планирования в специфическую педагогическую область, с трудом поддающуюся точному учету, формализации. Но можно избежать механического переноса. Лишь бы педагогика не чуралась математики. И тогда принципы сетевого управления можно будет использовать для нужд педагогических. И станет возможным решение задачи такого типа: Группа школьников отправилась из пункта А в пункт Б. Расстояние между А и Б измеренное во времени, составляет десять лет — школа! На всем этом десятилетнем пути ждут-поджидают школьников сотни, тысячи событий, встреч у доски и за партой с потоком знаний. Ожидается и желательное планируется и может быть перечислено подробно, полно, в хронологической последовательности, как того требуют сетевые графики временных значений.

И тогда мы — впервые! — получим расчет, который покажет, например, что, находясь в промежуточном пункте М (обозначим этой буквой, ну, хотя бы концом 1-й учебной четверти в 6-м классе), наша группа школьников должна обладать такими-то знаниями, умениями и навыками, а обеспечивается должный уровень при таких-то — точно названных — факторах педагогического воздействия: необходимые способы координации будут указаны в тех же графиках. Уже сегодня реально и доступно создание контрольных сетевых графиков: они помогут выявить качества сложившегося педагогического процесса, помогут сформулировать строгие требования организационных взаимодействий. А следом пойдут расчетные и апробированные на практике системы, координированно управляющие обучением, и мы сумеем с другой стороны приблизиться к решению важнейшего и злободневного вопроса о том, что может и, следовательно, обязан знать и уметь школьник и что надо сделать для того, чтобы он и знал, и умел. Дело движется! Сюда бы маленькую группу математиков, большую межпредметную комиссию. Среднюю школу — приложимые качества. Заложить бы эксперимент! «Опыт эксперимент!» — работники просвещения не без оснований побуждают этого делать: столько уже суматошно дрова наломали! Но здесь-то опасаться нечего: научной организации предстала идея торопливой толки — в основу ляжет продуманный расчет. В итоге же, в завершенном виде, прямо ведущим к цели, станет для наших ребят путь из А в Б и далее по всем пунктам. А пока — топится у доски невезучий Соколов, и слышит усталая Татьяна Ивановна чей-то шепот: «Сколько осталось до звонка?»

ИЗДАТЕЛЬСТВО должно давать прибыль! — так определяется наш финансово-экономический курс. Но если рентабельность издания определяется массовым спросом на книгу, то есть большим тиражом, то как быть издательствам, выпускающим научно-техническую литературу? Одно дело, скажем, столичный тираж «Королева Марго», и совсем иное — научная монография с ее обычным тиражом в полторы-три тысячи экземпляров. В первом случае издательство «работало рентабельно», «выпустило выгодную книгу» (со всеми вытекающими отсюда последствиями, например, пошла в акте балансовой комиссии). Во втором же случае издательству поставят в вину «нерентабельную деятельность». Инженеры, техники, рабочие нуждаются в узкоспециализированных справочных пособиях, тираж этих книг не может быть массовым, а значит, убыточным обеспечен.

Какие же практические выводы напрашиваются из всего сказанного? Во-первых, необходимо отнестись к деятельности издательства к оценке деятельности страны издательского Комитета по печати, есть ли возможность спланировать ее финансово-экономическую рентабельность? И при этом не надо бояться планировать ряд отраслевых издательств убы-

тискивается, а осенью школьники, ставшие студентами, ищут ее по магазинам или в библиотеке, просящая о ней, не может ее купить, хотя она вышла в этом году. Явно недостаточный срок для реализации научной и технической литературы должен быть изменен. Премия же работникам торговли целесообразно сделать прогрессивными — в зависимости от количества проданных книг. Определяя тиражи научных и технических книг, издательства должны опираться на общественность — специалистов, библиотекарей, заочных работников, организаторов НПО. Наше издательство «Судостроение» накопило известный опыт в этой области. Во всех существующих центрах страны созданы специальные общественные представительства издательства. Вместе с товароведами, директорами и продавцами книжных магазинов общественные представительства доводят тематические планы издательства до широкого круга заинтересованных лиц, собирают предварительные заявки. Именно таким путем удалось добиться значительного повышения тиражей в Калининграде, Николаеве, Горьком.

Во-вторых, давно уже назрела необходимость решительного пересмотра цен на издания. В Туркмени в статье «Дорогой дорожке денег» («Литературная газета» от 16 декабря 1965 г.) и А. Янон писали об убыточности издания поэтических книг. Я хочу добавить сюда и техническую литературу. Прошло уже три десятилетия с тех пор, как установлены были номиналы за лист-отчет. С тех пор резко изменился, усложнился характер издания, а номинал остался прежний. Видимо, пора ввести дифференцированную систему номиналов с тем, чтобы точнее отражать затраты издательства на выпуск книги. Привлекательность к предложению А. Янона перестроить также всю существующую систему книготорговской скидки, однако только для всей книжной продукции (25 процентов с номинала). Очевидно, эту скидку надо устанавливать дифференцированно: наибольшую для книг, выходящих большими тиражами (например, до 36 процентов), и меньшую (5-10 процентов) для малотиражных книг. Простой подсчет показывает, что в этом случае рентабельность всей книготорговской продукции значительно возрастет!

В-третьих, необходимо резко увеличить сметный ассигнования издательства на рекламу. Нашим эти расходы ничтожны: малы до 2-3 процентов сметы. Между тем опыт ряда стран (Польша, ГДР) учит, что эти расходы могут быть увеличены до 10-12 процентов. Наш разговор о прибыльности книг, естественно, затронул целый комплекс проблем, волнующих тысяч работников отраслевых научно-технических издательств. Мы ждем, что Комитет по печати при Совете Министров СССР наконец поможет решить их.

Г. МИШКЕВИЧ, заведующий редакцией издательства «Судостроение»

или издавать книгу о рождении нового года, когда это новое выходит на пенсию. Один конкретный пример: перед нами сборник статей, очерков и стихов ленинградских публицистов «У истоков чуда». У истопителей был хороший замысел — рассказать о новостройках большой химии на севере России. Бригады писателей сидели в Хибинском, в Кирини, смотрели, знакомясь с людьми. А книжка оказалась совсем не такой. Общедельно, а не остро, хол и статей и очерков заданы многие жизненные проблемы, но впечатлений такое, что они приглушены. Писатели торопливо, зато издавать сборник неторопливо, почти два года, тогда как номер журнала того же объема готовился к печати за два месяца.

Но если стоять только на позиции рубля, выгоды, тогда научная, техническая ценность книги — ее ведь в промприклад не заложить — а расчет не принимается. И тогда, например, «Проблемы кавитации» — книгу об одном из нерешенных вопросов теории судостроения — противопоставляют «Трем мушкетерам». Первая книга приносит убыток, вторая — выгоду. С этой точки зрения расширяется сегодня экономическая деятельность издательства.

На мой взгляд, подлинная рентабельность научно-технической книги заключается в той «близости» и «застывшей» пользе, которую она способна принести индивидуальному или научному прогрессу. Под «близостью» понимаю не непосредственное, как сказать, «сегодняшнее» приращение в цене или в лаборатории тех новых практических сведений и рекомендаций, которые содержатся в книге (особенно в виде конкретных таблиц, графиков, расчетов, графоаналитических или рецептурных данных). «Дальняя» же польза книги — те идеи и мысли, которые способны побудить читателя к самостоятельному творческому поиску.

Вторых, пора изменить существующую ныне практику определения тиражей научно-технической литературы. Сейчас это дело фактически находится в руках товароведа местного книгооторга. К нему поступают тематические планы отраслевых издательств. И он должен определить спрос на книги по судостроению и художественной вышивке, кузнечному производству и речеловодству, машиностроению и ижеиному делу... В конечном счете все сводится к простому собиранию заявок книжных магазинов, которые устанавливаются по принципу: «лучше не доставать, чем перекачать». И так как срок хранения научной или технической книги по существующим правилам не может превышать нескольких месяцев, то магазин, не желая рисковать, заказывает 5-10 экземпляров книги. Так, нужная, актуальная книга не доходит до читателя, а, кроме того, сразу же после выхода в свет становится библиографической редкостью. Если за указанный срок книга не распродана, то работники магазина... лишаются премии вследствие «сверхнормативных остатков».

А. Янон в своей статье «Рубль не находит строчки» («Литературная газета» от 16 октября 1965 г.) привел пример такой неспешности расставших издательств, литературного записочного языка». То же с технической литературой. Весной выходит книжка по технике, за лето она ценится и залегает на складе или

своих проявлениях занимал боевые позиции. Он был производственным и одновременно общественным и социальным. **ЛИТЕРАТУРА** служит народом. Мы пропозиюны эти слова со спокойной уверенностью. Только снб может поворачивать от слова «служит». Если книга не нужна народу, то кому же тогда? Себе, автору? Нет ничего печальней судьбы такой книги. Значителями нашей публицистики были, в сущности, и Радищев с его серией публицистических очерков «Путешествие из Петербурга в Москву» и Гершен, автор множества пламенных, всегда богатых содержанием статей. Последовательная революционная направленность и мужественная правда во имя ее, на благо ее — вот что объединяет нас, так далеко отстоящих друг от друга во времени.

Тургеневские рассказы из «Записок охотника» иногда тонко расстраиваются как очерки. Да, они печатались в разделе очерка, да, так называл их сам Тургенев, и рождались они из известных наблюдений. Но формула «очерк», по понятию — белое очеречные, а не выписанные портреты, — все это было в данном случае скорее камуфляжем, облегчаю появление в печати этих реалистических рассказов, подымавших острые социальные вопросы. Одиновременно с ними выходили так называемые «филологические очерки». По сравнению с «Записками охотника» они были напечатаны и бескомпромиссно, однако и производственны, и социальны.

Вспомним опыт классика советской публицистики Ларисы Рейзенер. Все ее очерки проблемны. Все почти написаны не наблюдением, а социальным событием. Читатель ее очерк о суровой жизни советских шахтеров в первые годы после гражданской войны: здесь и восхищение подвигом, и постановка вопроса о том, что здравые шахтеров, как правило, плохие, им первым надо бы дать и достойное жилье, и больше порции солнца в период отпусков. К слову писателя прислушалась Рейзенер не успела порадоваться этому.

Сложившаяся практика погоня отраслевых издательств за рентабельностью во что бы то ни стало привела и к таким уродливым фактам, как выпуск крупнотиражных, объемных книг, тематически чуждых данному издательству, но зато «выгод-

ток по явно малотиражным, но нужным, актуальным для специалистов книгам. В-вторых, пора изменить существующую ныне практику определения тиражей научно-технической литературы. Сейчас это дело фактически находится в руках товароведа местного книгооторга. К нему поступают тематические планы отраслевых издательств. И он должен определить спрос на книги по судостроению и художественной вышивке, кузнечному производству и речеловодству, машиностроению и ижеиному делу... В конечном счете все сводится к простому собиранию заявок книжных магазинов, которые устанавливаются по принципу: «лучше не доставать, чем перекачать». И так как срок хранения научной или технической книги по существующим правилам не может превышать нескольких месяцев, то магазин, не желая рисковать, заказывает 5-10 экземпляров книги. Так, нужная, актуальная книга не доходит до читателя, а, кроме того, сразу же после выхода в свет становится библиографической редкостью. Если за указанный срок книга не распродана, то работники магазина... лишаются премии вследствие «сверхнормативных остатков».

Вспомним опыт классика советской публицистики Ларисы Рейзенер. Все ее очерки проблемны. Все почти написаны не наблюдением, а социальным событием. Читатель ее очерк о суровой жизни советских шахтеров в первые годы после гражданской войны: здесь и восхищение подвигом, и постановка вопроса о том, что здравые шахтеров, как правило, плохие, им первым надо бы дать и достойное жилье, и больше порции солнца в период отпусков. К слову писателя прислушалась Рейзенер не успела порадоваться этому.

Очерк, статья «стреляют», когда в них ложь «сухой порох души». Л. Леоновым был поставлен вопрос о проблемах леса. Ему повезло, есть реальные ре-

зультаты в жизни. Поставленный писателями важнейший вопрос о комплексном, разумном использовании богатств Байкала еще не решен. Бывает горько, если дело, ради которого пишешь, продвигается туго. Ничьи из нас это знакомо. Когда-то в «Литературной газете» печаталось мое спиртное сочинение под названием «Ремизовы» — о заграничном реке и водоемах. Публиковались и другие статьи в разных газетах о том же. И вот правительство Российской Федерации приняло дополнительное и существующим новым решения по строительству очистных сооружений. Сдвиг есть, но поступить их все-таки медленно.

Другая моя статья здесь же, в «Литературной газете», о метриках безотходных дел, судя по реакции на нее, вызвала интерес многих. Казалось бы, радуйся, автор, тщеславств! Но чему же радоваться, если законопроект обрастает грибами и мхом, попрежнему оставаясь проектом! Все дело в том, что настоящего обсуждения проекта закона с участием заинтересованных сторон пока еще не было. А почему бы не провести такое обсуждение?

Вспомним опыт классика советской публицистики Ларисы Рейзенер. Все ее очерки проблемны. Все почти написаны не наблюдением, а социальным событием. Читатель ее очерк о суровой жизни советских шахтеров в первые годы после гражданской войны: здесь и восхищение подвигом, и постановка вопроса о том, что здравые шахтеров, как правило, плохие, им первым надо бы дать и достойное жилье, и больше порции солнца в период отпусков. К слову писателя прислушалась Рейзенер не успела порадоваться этому.

Ох, уж эти читатели... М. Селезневу тоже показавось, что «договор» — погас костер заката? Но нет, И. Абрамченко еще видит «костер жаря за крышей покатой». А тут еще подбросил дожишек К. Ванькин, и пошла похлясть с яровой силой: Горит, распавшийся, как в тигле, Занат. Густы его ностры... Разлетелся А. Касценко: Костром горит по вечерам занат, Восторгается В. Шульгина: «Ностры заната в окнах иль дожишек». Но, как заметил древний мудрец, все имеет свой конец. В Кулагини меланхолично замечает: Занат ностром спотел в реке, Тем не менее не погасил надежды и повлечет сердцах. А Брагини заявляет твердо: Я костер, как здрю, разожгу; «Ю. Овеша когда-то написал: «Всю жизнь я взгляд устремлялся в выкат. Трудно представить себе что-нибудь более прятательное для взгляда, чем именно эта стена великого пожара».

Так ли было нужно сраживать так? По всей вероятности, занат принадлежит к тем проявлениям мира, которые могут быть сражены с чем угодно. **Юрия ИЗМАЙЛОВА** МОСКВА

НЕ ДЕВИЧЬЕ ЭТО ДЕЛО *Наважная редакция!* Я, Вержбицкий Иван Иосифович, мастер-железнодорожник, старший лейтенант в отставке, хочу высказаться на страницах «Литературной газеты» свое мнение об участии женщины в кардинальных делах. Недавно я прочитал повесть А. Кулешова «Победа Александр Луговой», Палехов об этой повести

сказать не могу, но упоминается в ней между прочим «своячка-палаха», которая «от сорника два вершка», а иной раз такого бандюга хватает—любо-дорого смотреть. Герой повести восторгается «девичькой», а я думаю, что восторгается тут нечем. Не девичье это дело охотиться за бандитами и хулиганями. Женщины в дружине могут сделать много полезного. Больше внимания они оказывают на подростка, особенно на девочку. Но «хотать бандюга» — думаю, что это неправильно. Находясь на дежурстве, женщина выслушивает плачущую брань, рыдания, оскорбления. Я сам видел много случаев, когда и попыткам выслушать, утешить и возмущалась. Намеки раскатывать, что хулиган будет раскатываться перед дружинницей. Хулиган есть хулиган, и с ним надо разговаривать по-мужски. Да и то сказать, разве мало и нас крепких, боевых парней для борьбы с правонарушителями?

Письмо в редакцию **НЕ ДЕВИЧЬЕ ЭТО ДЕЛО** *Наважная редакция!* Я, Вержбицкий Иван Иосифович, мастер-железнодорожник, старший лейтенант в отставке, хочу высказаться на страницах «Литературной газеты» свое мнение об участии женщины в кардинальных делах. Недавно я прочитал повесть А. Кулешова «Победа Александр Луговой», Палехов об этой повести

Вспомним опыт классика советской публицистики Ларисы Рейзенер. Все ее очерки проблемны. Все почти написаны не наблюдением, а социальным событием. Читатель ее очерк о суровой жизни советских шахтеров в первые годы после гражданской войны: здесь и восхищение подвигом, и постановка вопроса о том, что здравые шахтеров, как правило, плохие, им первым надо бы дать и достойное жилье, и больше порции солнца в период отпусков. К слову писателя прислушалась Рейзенер не успела порадоваться этому.

Вспомним опыт классика советской публицистики Ларисы Рейзенер. Все ее очерки проблемны. Все почти написаны не наблюдением, а социальным событием. Читатель ее очерк о суровой жизни советских шахтеров в первые годы после гражданской войны: здесь и восхищение подвигом, и постановка вопроса о том, что здравые шахтеров, как правило, плохие, им первым надо бы дать и достойное жилье, и больше порции солнца в период отпусков. К слову писателя прислушалась Рейзенер не успела порадоваться этому.

Литературная газета 2 стр. 8 января 1966 г. № 3

Ох, уж эти читатели... М. Селезневу тоже показавось, что «договор» — погас костер заката? Но нет, И. Абрамченко еще видит «костер жаря за крышей покатой». А тут еще подбросил дожишек К. Ванькин, и пошла похлясть с яровой силой: Горит, распавшийся, как в тигле, Занат. Густы его ностры... Разлетелся А. Касценко: Костром горит по вечерам занат, Восторгается В. Шульгина: «Ностры заната в окнах иль дожишек». Но, как заметил древний мудрец, все имеет свой конец. В Кулагини меланхолично замечает: Занат ностром спотел в реке, Тем не менее не погасил надежды и повлечет сердцах. А Брагини заявляет твердо: Я костер, как здрю, разожгу; «Ю. Овеша когда-то написал: «Всю жизнь я взгляд устремлялся в выкат. Трудно представить себе что-нибудь более прятательное для взгляда, чем именно эта стена великого пожара».

Так ли было нужно сраживать так? По всей вероятности, занат принадлежит к тем проявлениям мира, которые могут быть сражены с чем угодно. **Юрия ИЗМАЙЛОВА** МОСКВА

НЕ ДЕВИЧЬЕ ЭТО ДЕЛО *Наважная редакция!* Я, Вержбицкий Иван Иосифович, мастер-железнодорожник, старший лейтенант в отставке, хочу высказаться на страницах «Литературной газеты» свое мнение об участии женщины в кардинальных делах. Недавно я прочитал повесть А. Кулешова «Победа Александр Луговой», Палехов об этой повести

Наедине с искусством Фото Ю. Намонского

ДЕРЕВЬЯ АЛЬТАБАНЫ

НА ГАВАНСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Открытие Первой конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Телефото АП — ТАСС

ГВАНА имеет свой особый, ни на что не похожий облик. Особенно в эти дни. В прошлой корреспонденции я уже говорила об атмосфере праздника, не покидающей город ни на один день. Да будет мне позволено сослаться «для подкрепления» на слова такой воле не ипробинской газеты, как «Нью-Йорк Таймс». В ее редакционной статье говорится: «Седьмая годовщина революции Фиделя Кастро отмечается в более торжественной обстановке, чем это было в прошлые годы. Газета пишет: «Сотни делегатов из десятков стран собрались в Гаване для участия в антиимпериалистической конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки».

— Эта конференция проходит в стране, еще являющейся полем антиимпериалистической битвы. На этой земле не раз пролилась святая кровь в борьбе против империализма... Земля, обильно политая праведной кровью, — благословенная, благодатная земля... ГВАНА имеет свой особый облик, ни на что не похожий запах — приятный и одновременно нежный. Правда, сейчас зима, и все запахи стали глуше, тише, привалили листья, а то и совсем облетели. Изменились краски Кубы. В зеленое тут и там вкраплено бурое, коричневое, рыжее... И тут же в это зимнее время, когда дует морда и над морем носятся беспомощные чайки, по Цельсию двадцать градусов. Воткин в землю Кубы семечек, — вырастет! Но, конечно, лишь при том условии, если вы его будете поливать, ухаживать за ним. Делегаты «триконтинентала» посадили деревья на пустыре, в районе Алтабаны.

Римма КАЗАКОВА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

празднике, смеющиеся и вместе с тем серьезные люди приехали сюда, чтобы совершить дело святое вроде бы привычное — и в то же время символическое. Около трех десятков различных пород деревьев, характерных для трех континентов, погружали в этот день свои корешки в землю будущего Парка солидарности. Корневая система, могучая сейба, ягуа, каштан, перуанский балзам... Я видела у ямок с сеянцами шелковые розово-серые индусские сари, и покое на римские тоги одежды ганцев, и пестрые тобетейкообразные шапочки делегатов Нигерии, и меховые шапки гостей из Зимбабве, и белые манжеты с запонками, которые все выпрыгивали из рукавов костюма и мешали работать двум африканцам... Наша делегация посадила сеянцы королевской пальмы, Орудували лопатами и катменем Зулейха Гусейнова и Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов и Бижимал Рама-

завова, разрыхляя почву, выбивая камни из будущей колебелы дерева Кошчию свою работу, оплетая кому из соседней по мощи Египтянки помогаю везувелу. Герония Моккады Мельба Эрнандес присыпала землей деревья вместе с бесстрашной вьетнамской летчицей Данг Тху Тянь. А у одного саженца — смуглая, совсем седая, но очень моложавая женщина, поразительный человек, снискавшая здесь большую любовь. Это известная певица Жозефина Бейкер, почетная гостья конференции, мать тринадцати усыновленных ею детей разных национальностей. Пусть цветут деревья Алтабаны И как тут не вспомнить Хосе Марти, который говорил, что в жизни надлежит сделать три полезных вещи: родить ребенка, написать книгу и посадить дерево. Не написать книгу, наверно, не каждому удается, а уж на детей и деревьях жизнь держится... И ТАК, гости Кубы посадили на ее земле деревья. Упрямые «гости» Вьетнама уничтожают деревья — и людям... Нельза было вчера без воздуха слу-

шать делегата Южного Вьетнама Нгуен Ван Тьена. Его рассказ меньше всего подошел на выступление в прениях, когда преслава- тель спокойным голосом сообщал: «Следующий имеет слово...» Здесь имел слово весь вьетнамский народ! Народ, который будет сражаться до тех пор, пока в стране не останется ни одного американского захватчика. В газетной корреспонденции трудно изложить все выступления делегатов на конференции. Но уже одно только перечисление стран кажется читателю много: Чан Зань Туен — из Демократической Республики Вьетнам; Фуми Вонгитит — из Лаоса; Гидо Хил — из Доминиканской Республики; Монгали Мишель — из Конго (Леопольдвилля). А если говорить о темах, то главной из них была, конечно, борьба против империалистической агрессии, — все эти страны слишком хорошо, на собственном, так сказать, опыте знают, как в действительности выглядит «амисия свободы», которую несут на своих штыках империалистические колонизаторы.

И ДУ поздним вечером с конференцией к себе, в гостиницу «Кларис». Она радостно с «Гавана-Либер». Небо в молочных тучках с прогалинами. Луна такая яркая, будто она тоже фонарик, повешенный на тучку для украшения. Визя, по той оживленной частоте 23-й улицы, которую кубинцы гордо называют Рампой, от дома к дому, поперек улицы, висят гирлянды из электрических лампо-

чек. Из этих гирлянд контуром прочерчены птичьи звезды, и под ними — рождественские колокола. Языки колоколов отключены: на одном колоколе — влево, на другом — вправо, и так поочередно, до конца улицы. Создается впечатление, что колокола звонят. Звон этот, как город, праздничный, счастливый... ГВАНА, 5 января. (По телефону).

Ч АСТО ребята, а иногда и взрослые, спрашивают меня, как я придумываю свои истории. По-видимому, они хотят узнать, как это мне пришлось в голову написать и не боюсь школьной тираты, потом падаю его на ходу и посылать ребяташек, чтобы они проносили в нем галерею, гроты и переходы. Именно так сюжет моей повести, где рассказывается, как один ученый-атомщик, охваченный в расцвете сил, а в момент взрыва атомной бомбы оказывается в смертоносной и неостановимой лавине атомной энергии, а неостановимый атомный торнадо. Моряк скажет прозрачно: если бы огромные бомбы и ресурсы, которые люди тратят на войну вооружения, были использованы на добрые дела, то можно было бы не только накормить миллионы голодных, но и сделать так, чтобы школьные торты стали доступны всем.

В общем, люди получают не только самое необходимое, но и радость, необходимую, как хлеб. Кто-нибудь может подумать, что я долго вынашивал эту тему, нога не набрел на мысль о торте. А было то совсем наоборот. Одианды мы сидели с товарищами в редакции газеты «Назвеса», где я работаю, и говорили о том, о сем. Кто-то из нас поделился своей мечтой, о существовании которой было совершенно невозможно. Не помню, о чем именно шла речь, но один наш старший коллега, долгое время живший в Америке, сказал: «Ну, знаешь, это просто торт в небе!» Возможно, выражение «торт в небе» звучит для американца привычно и общедно. Мне же оно показало- лось забавным, и я последний записал его на спичечном коробке. «Небесный торт» витал в моих мыслях, как образ, требующий своего воплощения, смутное видение о конкретном оформлении и смысле которого я пока не задумывался.

Случаям к счастью время меня приставило к началу школы в предместьях Рима, где я и начал рассказывать одну из своих новых историй. Тут мне и пришел на память «торт в небе». Вот было бы радостно, подумал я, если бы торт появился в небе именно над этим предместьем (один из самых уютных и красивых в Риме) и опустился на холм рядом со школой, и ребяташки могли бы забраться в него и захватить его оттуда. Представьте себе, что однажды утром в небе появилась какой-то огромный неземной предмет и угрожающе повисел над головами людей. Все, наверное, испугались, подумали, что явился маньяк, выловил похищения, пожарных, армию. Мало-помалу образ стал оживать: вокруг образовались фигуры, завалившиеся в дыму. Сюжет развился сам из себя, следуя неотразимой логике: раз появился в небе торт, значит, должно произойти то-то и то-то, и не как-нибудь, а вот так.

И лишь потом я сообразил, что нужно как-то объяснить появление этого торта. До сих пор я был слишком увлечен придумыванием подробностей и не пользовался идеями, о смысле истории. Сейчас я попытаюсь объяснить вам (или, вернее, самому себе), почему мне пришла в голову мысль связать все с атомной бомбой. Если бы я был верующим (а когда-то я действительно им был), то я бы решил, что торт — это некое священное даяние, чтобы сделать их счастливыми. Я нарисовал бы в своем воображении, а потом и рассказал историю о чуде. И мораль тогда была бы иной: надеяться на бога и получить все, в чем вы нуждаетесь. Но я таков, каков есть: под влиянием самой жизни в моей голове созрели определенные идеи, я участвовал в жизни, которое занимает в истории свое место и ведет борьбу в определенном направлении. Если работа над своей идеей расказал, а старшая выразила собственные мысли, вложить всего себя в образы, любовно выполненные моей фантазией, то эти образы — какими бы путями они ко мне ни пришли — неизбежно получают ту смысловую нагрузку, то содержание, которое ближе всего мне самому.

Так, отталкиваясь от образа, я нашел его смысл. Теперь я был готов написать эту историю от первой и до последней строки. Но я решил сначала рассказать ее ребятам и по-

немного о том, как я пишу свои истории

Джани РОДАРИ

слушать их комментарии, которые мне очень дороги: так, например, я узнал, что, пробираясь через торт, дети попадают в болота из эвонического и лимонного микродорожки, что лампа на тропинке там будет из захаренных фруктов и т. д. Ребята же подсказали мне мысль, которая впоследствии сыграла решающую роль в дальнейшем моем рассказе. В одном из глав я рассказываю о том, как дети, дозрившись до самого среднего торта, нашли там что-то вроде мажорной дещеры, а в ней — человека, озабоченного, как выяснилось позднее, тем самым атомно-атомщиком, который допустил (в счастье, конечно) ошибку в своем расчете. В этом месте один из моих малень-

ких слушателей вдруг воскликнул: «Совсем как Дашенко в выдуманном эпизоде!» Дашенко — старик из сказки Коллуды, выстреливший из пушки Буратино.

Ребятам всегда доставляет удовольствие проводить аналогию между разными сказками. И я подумал, что было бы неплохо создать целую цепочку таких связей.

Я набросал для себя «лесенку» — своеобразную схему глав, и каждой главе дал условное название. Так, главу о том, как дети входят в торт, я назвал «Одиссей», чтобы пролить неземными сквозь цепи солдат, охраняющих холм с тортом, мой душевный мир спрыгнул в стаде овец и вместе с ними пробрался вечером в овраг — совсем как Одиссей, который сумел бросить из плеча Полифема, спрятавшись под брюхом барана. Каждая глава более или менее ясно должна была перекликаться с какой-нибудь классической сказкой. Пусть ребенок не всегда сумеет уловить такую связь, все равно наемки эти его поразят, вызовут в его мыслях многообразие, которое лишь усилят удовольствие от прочитанного.

Пример, к которому я прибегаю, работая над «Сказками по телефону», — не что иное, как позитивная, придуманная давным-давно игра. И использовать ее еще в школе, когда был учителем. Делалось это так: одного ученика я ставил перед классной доской, второго — во главе несоблюдимой доски любви, пришедшей ему на ум слово. Один, допустим, писал слово «лазанья», другой — «лопато». А я должен был придумать историю, в которой главную роль играли бы лазанья и лопата.

В общем, вышеш рядом два слова, а потом сообразил, что из этого может получиться. Однажды у меня оказалась рядом сказка «Сказки» и «Сторожа». Так родилась история о парикмахере, который в качестве платы за стрижку и массаж получил дилом владельца города Стокгольма. Потом этот парикмахер накопил денег и отправился в Швецию, чтобы посмотреть на свою владения. Комическая история и, на первый взгляд, чуть ли не бессмысленная. В конце ее парикмахер радостно восклицает: «Такой город за какую-то стриж-

ку с массажем! Ну разве не дешево он мне достался?» Вот тут-то я и переорочиваю все с головы на ноги, и история приобретает свой смысл. «А ведь он и правда, этот парикмахер. Заплатить он очень дорого. Потому что каждому ребенку, появившемуся на свет, принадлежит весь мир, и он не должен платить за него ни единого санды. Просто нужно подарить ребенка, протянуть руку и взять его». Подовина «Сказок по телефону» родилась именно так, из игры (используя и теперь слово этих игр...). И мне не кажется, что они бессмысленны. Я считаю, что они потому и стали интересными для ребят, что каждый их

фаантастический прием имеет свою реалистическую подкладку. Если сравнить реальную действительность с домом (согласитесь на минуту этим статистическим образом обозначить такое чрезвычайно интересное явление), в который можно войти через парадный ход, через маленькую дырчку или через окошко, то, по-моему, детям захочется войти в него именно через окошко. Самолет, совершая свой путь с одного конца земли на другой, производит свой особый эффект. С легкой фантазией происходит то же самое. Попадая в мир ее фантазии, ее механизмы, во-первых, так же важно, как не впасть в обаяние, внимательно присматриваясь к миру и никогда не забывать о человечности.

Последняя моя работа называется «Книга ошибок». Добрую ее половину составляют смешные истории, возникшие из орфографических ошибок, без которых не обходится наши дети. Но это не сборник грамматических замечаний, ход они тоже могут принести известную пользу при обучении детей грамматике. Принадлежит, что мне хотелось бы поправить ребята, пишущее слово «водород» через «а», сколько тех взрослых, которые занимают не правильную позицию по отношению к водородной бомбе.

Такая идея книги. По родила она в моей голове, как и обычно, в результате довольно смешного случая. Как-то сидя за машинкой, я вместо слова «Лаврица» («Лаврица» по опечатке вышло «Лаврица») напечатал «Лаврица». Прочитав перекрученный текст, я понял, что «страна лаврица» у меня получалась «страна Малиция». Опинка выглядела по-иному, и сразу же в моем сознании встали все те слова, которые любят ходить в лесу по машинке. Вот тогда-то мне и пришлось в голову обратиться к ошибкам наших школьников. Небольшую такую ошибку я нашел сразу же в тетради своей дочери. Один из них были просто забавными. Другие легли в основу маленьких историй. Так, поистине, у меня созрела идея отправить через это окошко, через странную орфографическую ошибку.

Я работаю ежедневно, иначе невозможно не бывает так, что сделанное за неделю и даже за месяцы оказывается перенервным, скучным, и тогда остается лишь выискать все написанное в корзину или отложить в сторону — пусть свит. К счастью, я живу своим трудом журналиста и не обязан писать интересные истории каждый день: я могу и подождать, когда изпод моего пера выйдет что-нибудь такое, что я могу смело отдать в типографию.

Значит ли это, что буржуазная демократия и ее институты не имеют никакой ценности для народных масс капиталистических стран? Конечно, нет! Прогрессивные силы всегда и везде встают на защиту даже урчащей буржуазной демократии, когда ей угрожает опасность справа, со стороны сторонников авторитарных режимов. Ибо буржуазная демократия заключает в себе возможность открытой борьбы против всевластия монополистической буржуазии. Но действительное ограничение ее господства зависит от того, каких успехов в этой борьбе добиваются рабочий класс и его союзники.

СТОРНИКИ теории трансформации капитализма уверяют, что классовая борьба в буржуазных странах отошла в прошлое, что она существует лишь в воображении «зонамеренных» марксистов. Дюверже не разделяет этого мнения. Он пишет: «Неравенство между капиталистами и некапиталистами, подчинение первым и поныне остается основой основ каждого современного государства. Борьба классов продолжается: она лишь принимает менее бурные формы».

Что же касается революционного пути, как хорошего и единственного, коммунисты не исключают мирных форм осуществления социализма, если складывается благоприятная для этого обстановка. Но при всех формах, как мирных, так и немирных, насильственных, переход к социализму возможен лишь путем борьбы с буржуазией, а не соглашения с ней, и в этом решающее отличие революционного пути от реформистского. В то же время революционный путь не только не исключает необходимости борьбы за демократические реформы, но, напротив, предполагает такую борьбу как необходимое условие силовых народных сил, ограничения господства антинародных монополий, удовлетворения насущных интересов трудящихся, подготовки дальнейшего движения к социализму.

Но как разрешится в конце концов дилемма? «Все, вероятно, будет зависеть от того, — считает автор, — в какой мере капитализм и социализм оказываются способными удовлетворять нужды людей». Как он оценивает способности капитализма в этом отношении, мы видели выше. Но картина остается неполной, если оставить в стороне сравнение с социализмом. Такое сравнение приводит к новым важным выводам.

«КАПИТАЛИЗМ, возможно, обеспечивает лучшую организацию внутри каждой фирмы, то есть на уровне «микрoэкономии», но он не может обеспечить подлинно всеобщую организацию производства, организацию на уровне макроэкономии. Пока такая организация оставалась технически невозможной, то есть до середины XX века, — эта неполноценность капитализма оставалась незамеченной», — пишет Дюверже. По мере развития техники ведет «к всевышнему эффективной организации, которая, однако, в рамках капиталистической системы неизбежна быть не может».

Если называть вещи своими именами, то это значит, что нынешние высокоразвитые производственные силы задерживаются в капиталистической оболочке, в

Признания Мориса Дюверже

Мультипроект. Более чем неясно и то, почему революционный путь к социализму должен считаться исключенным, а реформистский — реальным. Разве исторический опыт не говорит об обратном? Реформистский путь был испробован не раз: в венгерской Германии, когда слова демократии, приходя к власти, объявили, что «социализация марширует», а в конечном итоге их политика стала маршировать штурмовки в коринвической форме: в Англии при лейбористских правительствах: в ряде не- больших стран Западной Европы, где сторонники реформистского социализма долгие годы стояли у власти. Нигде и никогда реформистский путь еще не привел к социализму.

Что же касается революционного пути, как хорошего и единственного, коммунисты не исключают мирных форм осуществления социализма, если складывается благоприятная для этого обстановка. Но при всех формах, как мирных, так и немирных, насильственных, переход к социализму возможен лишь путем борьбы с буржуазией, а не соглашения с ней, и в этом решающее отличие революционного пути от реформистского. В то же время революционный путь не только не исключает необходимости борьбы за демократические реформы, но, напротив, предполагает такую борьбу как необходимое условие силовых народных сил, ограничения господства антинародных монополий, удовлетворения насущных интересов трудящихся, подготовки дальнейшего движения к социализму.

«КАПИТАЛИЗМ, возможно, обеспечивает лучшую организацию внутри каждой фирмы, то есть на уровне «микрoэкономии», но он не может обеспечить подлинно всеобщую организацию производства, организацию на уровне макроэкономии. Пока такая организация оставалась технически невозможной, то есть до середины XX века, — эта неполноценность капитализма оставалась незамеченной», — пишет Дюверже. По мере развития техники ведет «к всевышнему эффективной организации, которая, однако, в рамках капиталистической системы неизбежна быть не может».

Если называть вещи своими именами, то это значит, что нынешние высокоразвитые производственные силы задерживаются в капиталистической оболочке, в

Удовлетворяет также второстепенные потребности, потребности, искусственно создаваемые рекламой. Таким путем скорее можно получить более солидные барыши, чем помогая людям стать более человечными. Современный капитализм склонен иногда приносить главное в жертву второстепенному и будущему — настоящему». Отсюда — разочарование, отчуждение людей. «После нищеты причиной отчуждения становится теперь потребление — в той мере, в какой это потребление уже не соответствует действительным человеческим потребностям». И вывод таков: «Капитализм не может уничтожить это отчуждение, не отказавшись, по крайней мере, хотя на какое-то время, от погони за максимальной прибылью, то есть не перестав быть капитализмом».

Итак, неполноценность капитализма для современного человечества доказана. Он — это, и об этом дело с социализмом? Пина ответа на этот вопрос, автор статьи в «Монд» оставляет реальную почву и сворачивает на проторенную дорожку избитых доводов против коммунизма, сменивая подугравду с прямыми вымыслами.

Коммунистические страны, напечатав Дюверже, относятся к числу тех, которые раньше были отсталыми. В отношении боль-

шинства стран социализма это справедливо. Но за полвека социалистического строительства в Советском Союзе и за 15—20 лет народной власти в других странах социализма была достигнута ликвидирована, и нельзя поэтому утверждать, как это делает Дюверже, что «они не преодолели пока это свое первоначальное отставание».

Капитализм, по его мнению, имеет перед социализмом «два преимущества, считающиеся бесспорными на Западе: он обеспечивает более высокий материальный уровень жизни; он дает больше политической свободы».

Нет нужды доказывать, что преимущества эти отнюдь не бесспорны для людей на Западе; более того, даже та далеко не полная картина неполноценности капитализма, которая вброшена в статье «Монд», ставит на этих преимуществах большой знак вопроса. Какая уж тут политическая свобода при безраздельном господстве капитала! И как сочетается высокий материальный уровень жизни с нищетой миллионов, с необеспеченной старостью, с неудовлетворительной системой социального обеспечения и здравоохранения?

Да, в социалистических странах жизненный уровень по ряду показателей пока еще ниже, чем в высокоразвитых промышленно развитых странах. Но причина этого ясна: преодоление былой отсталости, ликвидация тяжелых последствий войны потребовали немалого усердия. В отличие от капитализма, социализм не приносит будущее в жертву настоящему, главное — в жертву второстепенному. Именно поэтому народы социалистических стран твердо уверены в правильности избранного пути, а все беспристрастные наблюдатели Западе единодушно регистрируют неуклонное повышение благосостояния населения социалистических стран из года в год.

Пост народного благосостояния составляет главный предмет заботы социалистических государств, высшую цель производства, которое служит не прибыли капиталиста, а благо народов. Социалистическая экономика обладает огромными резервами, их мобилизация является целью производимых в настоящее время хозяйственных реформ, общенациональных и будущих, настоящих и будущих.

«Б УДУЩЕЕ социализма на Западе, — пишет Дюверже в заключение, — зависит в конечном счете от способности самых передовых коммунистических стран, — показать, что они лучше, чем капиталистические страны, могут осуществить старый и вечный идеал: счастье людей».

Миллионы людей на Западе уже в настоящее время твердо уверены в гигантских преимуществах социализма перед капитализмом: достаточно напомнить, что во Франции и Италии каждый третий или четвертый избиратель отдает свой голос коммунистам или левым социалистам. С каждым годом притягательная сила социализма растет, и ему принадлежит будущее.

Сторонники Даниил Михайлович Горфинкель, один из старейших ленинградских переводчиков. Инженер по образованию, в начале двадцатых годов окончил профессиональный литературный, один из деятельных сотрудников издательства «Всемирная литература», возглавлял по инициативе М. Горького.

«Группа товарищей»

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литвагиза), телефоны секретариата — К 4-04-82, отделы: русской литературы — В 8-00-23, искусство — В 8-00-23, иностранные языки — К 4-06-05, иностранные языки — К 4-03-48, информатика — К 4-03-48. Коммунар — К 4-11-88. Коммунар — К 5-00-00.

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ. Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» на ФЕВРАЛЬ и последующие месяцы.